

Ван Шо подвесил тушу только что убитой косули вниз головой. Свернув крупный, сочный лист воронкой, он подставил его под струйку стекающей крови. Вглядываясь в ночную темень, юноша невольно усмехнулся, вспомнив упрямое лицо Бай По. Тот только что корчился от невыносимой муки, но не пожелал уступить слабости ни единым стоном.

Что же это за человек? На вид — сущий ангел, миловидный донельзя... Ван Шо осекся, удивленный собственной мыслью. Надо же, назвать «милым» мужчину! Да еще и хладнокровного убийцу, способного лишить жизни не моргнув и глазом. Он покачал головой, посмеиваясь над собственной глупостью.

Пробраться в одиночку в Семью Ян ради кражи — для этого нужна была незаурядная дерзость. В повадках этого юноши странным образом уживались зрелая рассудительность и детское ребячество. Вспыльчивый, невыносимый, но упрямо сносящий жестокую боль... Подобная стойкость невольно разжигала любопытство: что же стряслось с ним в прошлом?

Удивительный человек. И ведь при всей своей мнимой беспомощности он оставался смертельно опасен. Ван Шо прекрасно почувствовал, как в миг его приближения от тела Бай По повеяло ледяной угрозой. Не прикинься Ван Шо обычным недотепой, не смыслящим в боевых искусствах, юноша в белом наверняка прикончил бы его на месте. Настоящий ядовитый скорпион.

Когда Ван Шо вернулся к стоянке, бережно неся импровизированную чашу с кровью, юноша в белом уже сидел у костра, прикрыв глаза и выравнивая дыхание. Его лицо разгладилось, но плечи все еще заметно дрожали от озноба. Ван Шо ускорил шаг и протянул ему лист:

— Вот, свежая кровь.

Услышав голос, Бай По приоткрыл круглые, как спелые каштаны, глаза и пристально посмотрел на него.

— Ну и сколько у тебя родилось?

— Что? — Ван Шо опешил от столь нелепого вопроса.

— Тебя так долго не было, — фыркнул Бай По с явным раздражением. — Если не рожал, то чем занимался?

Ван Шо едва не выплеснул кровь ему на колени. С трудом подавив желание выругаться, он глубоко вдохнул, напомнил себе, что с больными спорить грешно, и натянул на лицо самую любезную улыбку:

— Понимаешь, когда я пришел, самец и самочка как раз предавались таинству любви. Мне показалось кощунством прерывать столь нежный союз. Вот я и ждал. Стоял, ждал и любовался

танцем пары десятков комаров вокруг собственного носа. И лишь когда они закончили, я прирезал зверя и принес тебе его кровь.

Повисло тяжелое молчание.

Бай По вонзил немигающий взгляд в улыбающееся лицо спутника. Разрез глаз у Ван Шо был узким и удлинённым, а когда он усмехался, в его облике сквозило нечто лукавое и притягательное. Однако сейчас юноше в белом было явно не до эстетики.

— Ты... ты торчал там и смотрел, как олени спариваются?! — взорвался он.

— Совершают таинство любви, — невозмутимо поправил Ван Шо.

Это замечание окончательно вывело Бай По из себя.

— Спаривание оно и есть спаривание! — рявкнул он.

— Ладно, пусть будет спаривание. Твоя правда, — сухо согласился Ван Шо.

Бай По поморщился, запоздало сообразив, что они спорят о какой-то чуши. Он предпочел благоразумно замолчать, забрал лист с кровью и, зажав пальцами нос, осушил его залпом. Но стоило первому глотку коснуться горла, как в голове непрошеной картиной возникла сцена оленьего соития. Юноше стоило поистине титанических усилий воли, чтобы не вернуть выпитое обратно. Справившись с дурнотой, он молниеносно нанес несколько ударов по собственным акупунктурным точкам, запечатывая каналы.

Устроившись у костра, Ван Шо молча наблюдал за тем, как блики пламени пляшут на белых одеждах спутника.

"Ну и характер, — думал он. — Вздорный, капризный, слова доброго не дождешься".

Размышления текли вяло, накопленная за день усталость взяла свое, и вскоре его сморил глубокий, безмятежный сон.

Утром Ван Шо разбудил залиvistый птичий щебет. Едва открыв глаза, он первым делом глянул на противоположную сторону кострища. Бай По там не оказалось, зола давно остыла. Ван Шо потер глаза, потянулся всем телом и тут заметил своего спутника, неторопливо идущего со стороны леса. Слишком худощавое тело тонуло в складках чистого белого халата, волосы были аккуратно причесаны, а на бледном лице играл здоровый румянец. От вчерашней слабости и следа не осталось. Ван Шо облегченно перевел дух — пронесло.

Он снова невольно залюбовался юношей. Белый цвет удивительно шел Бай По. Хрупкий, с

тонкой, почти девичьей талией, он был обладателем округлого детского лица с пухлыми щечками и большими, темными, как спелые вишни, глазами.

Заметив устремленный в пустоту остекленевший взгляд Ван Шо, Бай По недовольно поморщился.

"Не дурак ли он часом?" — подумал он.

Для верности он легонько пнул Ван Шо в бок.

— Чего застыл?

Тот вздрогнул, возвращаясь к реальности, и слегка смутился. Не признаваться же, в самом деле, что загляделся. Спешно переводя тему, он спросил:

— Ты куда ходил?

— Умыться к ручью.

— Как себя чувствуешь? Полегчало?

— Угу.

И снова разговор не заладился. Бай По, потеряв терпение, отвесил ему еще один легкий пинок.

— Ты чего ждешь? — лениво осведомился он.

Ван Шо решил не обращать внимания на грубость.

— В смысле — чего жду? Мог бы и сам еды раздобыть, я с голоду помираю, — проворчал он, наградив спутника обиженным взглядом.

Бай По лишь окинул его высокомерным взглядом сверху вниз:

— Ты уходил к ручью на целую вечность. Почему сам ничего не поймал? Я и так проявил величайшую милость, согласившись проводить тебя в Северную столицу. С какой стати я должен еще и кормить тебя?

В глазах Ван Шо на миг промелькнула опасная тень, скрывая невысказанные мысли, но он лишь сжал губы и, не проронив ни слова, развернулся и ушел в лес на поиски дичи.

— То-то же, — фыркнул Бай По и, поудобнее устроившись на траве, решил еще немного вздремнуть.

В конце концов они двинулись дальше пешком, выбрав дорогу к ближайшему городку. Ван Шо шел следом, не сводя задумчивого взгляда со спины юноши в белом. Когда на развилке показалась придорожная беседка, оба облегченно вздохнули.

Бай По прислонился к деревянной опоре, лениво повернув голову в сторону тракта. Дорога впереди становилась все ровнее, но при виде этой бесконечной пыльной ленты, уходящей за горизонт, его охватила тоска. Сейчас он отдал бы все на свете за мягкие носилки своей секты.

— Скоро покажется городок Шилян, — подошел к нему Ван Шо, делясь планами. — Там передохнем, найдем приличную повозку и доберемся до Лючжоу. Оттуда сядем на корабль и по воде, по течению реки, дней за десять доплывем до Северной столицы.

— Да делай что хочешь... — вяло протянул Бай По.

Ван Шо удивленно выгнул бровь, глядя на то, как спутник буквально сползает по столбу.

— С тобой все в порядке?

Бай По медленно повернул к нему безучастное лицо, а затем вдруг захлопал глазами и трагическим тоном выдохнул:

— Жизнь моя — сплошное страдание!

Ван Шо даже бровью не повел. Скрестив руки на груди, он лишь сухо спросил:

— И в чем же твоя беда?

Столь равнодушная реакция явно уязвила Бай По. Напустив на себя еще более скорбный вид, он со свистом выдохнул:

— Пешие переходы!

Растянув жалобный стон едва ли не на минуту, он надул губы и потерся щекой о прохладное дерево колонны. Так действительно было чуточку свежее.

Ван Шо молча взирал на это представление, зарекшись вступать в пререкания. Опыт, оплаченный собственными нервами, подсказывал: стоит открыть рот, и этот капризный мальчишка превратит их путь в сущий кошмар.

Они рассчитывали добраться до постоянного двора засветло, но судьба редко бывает благосклонна к путникам. Прямо посреди тракта, преграждая дорогу к городу, выросла банда оборванцев. Разодетые в пестрые лохмотья разбойники сжимали в руках ржавые тесаки и топоры, а их свирепые взгляды не оставляли сомнений в намерениях.

— Эй, белобрысый! Кошель на землю — и катись отсюда! — зычно гаркнул предводитель, поигрывая широким клинком. Подельники за его спиной дружно взмахнули оружием.

Бай По лишь уныло развел руками и вздохнул:

— Неужели это и есть та самая знаменитая забава срединных земель? Ограбление на большой дороге?

Отвечать ему никто не собирался. Главарь смачно сплюнул под ноги:

— Щенок девчоноподобный! Едва от пеленок отвык, а уже лезет в дела поднебесной! Ну ничего, папаша сейчас научит тебя жизни!

Разбойник зашелся хриплым, утробным хохотом, и его банда тут же подхватила этот издевательский смех.

Хохот гремел над дорогой, когда вдруг к нему примешался тихий, вкрадчивый смешок. Смеялся Бай По. Разбойники гоготали во все горло, а юноша вторил им пронизывающим до костей смехом. Постепенно он опустил правую руку, и между его тонкими пальцами тускло блеснула длинная серебряная игла.

— Какого черта ты лыбишься, выродок?! — рявкнул бородатый главарь, внезапно оборвав хохот. От этого тихого смеха у него по спине пробежал неприятный холодок.

<http://bllate.org/book/18409/1785083>